

Владимир КОЛТОВИЧ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Особенности становления личной церковной геральдики на Руси соотносятся с тенденциями создания отечественных родовых дворянских гербов и заимствованием западноевропейского геральдического опыта.

Features of personal church heraldry in Russia correspond with tendencies of creation of the domestic patrimonial nobiliary arms and loan of the West-European heraldic experience.

Ключевые слова:

личная церковная геральдика, композиционное построение гербов церковных иерархов, герб патриарха Никона; personal church heraldry, arms and loan, Nickon's emblem.

Характеризуя личную церковную геральдику, подчеркнём, что устоявшихся геральдических традиций подобного рода на Руси не существовало. К обозначенному в статье периоду можно отнести только несколько личных гербов церковных иерархов, в их числе гербы митрополита Петра (Могилы), митрополита Димитрия (Туптало), митрополита Стефана (Яворского) и архимандрита Иоанна (Тризна). Архиереи были дворянами малороссийского происхождения, сохранявшими традиции своей родины относительно использования фамильных гербов с надлежащим образом дополненными посохами, митрами и т.д.¹

Композиционное построение гербов церковных иерархов было идентичным тенденциям создания родовых дворянских гербов и имело следующие особенности: во-первых, в построении композиции гербов владык использовано деление щита, традиционное для западных церковных гербов; во-вторых, дворянские родовые гербы взяты за основу для помещения их в поля щита; в-третьих, присутствие в гербах архиерейских жезлов, митр как основных церковных атрибутов, указывающих на корпоративную принадлежность архиереев; в-четвертых, наличие в клейнодной части в гербах священнослужителей церковных головных уборов; в-пятых, помещение по сторонам щита аббревиатуры титулов архиереев; в-шестых, композиции церковных гербов православных архиереев заимствованы из геральдической практики греко-католической церкви.

Сложные взаимоотношения между мирской и духовной властью в конце XVII – начале XVIII вв. вылились в публичную зависимость и пассивность церкви (пусть не абсолютную, но очевидную). Даже высшие церковные иерархи не могли полностью претендовать на равенство с аристократией. Поэтому архиереи, игумены и другие духовные персоны почти никогда не создавали индивидуальные эмблемы для себя (за исключением вензелевых изображений, встречающихся на целом ряде печатей высшего духовенства), но использовали для самоидентификации неличный религиозный символизм и государственные эмблемы, делая, таким образом, ударение на немирской важности духовенства и отражая факт того, что Русская православная церковь со времён Петра Великого стала составлять единое целое с административной системой Российской империи.

Герб патриарха Никона также не стал началом для создания си-

¹ Комаровская Е.А. Портреты священнослужителей в русской живописи XVIII–XIX вв. как исторический источник и их место в системе геральдических памятников // Историковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв.–1 февр. 2003 г. Рос.гос. гуманитар. ун-т. Ист.-архив. ин-т. – М., 2003, стр. 170–171.

стемы русских церковных гербов, оставшись только единичным примером герба иерарха столь высокого ранга. Целый ряд гербов церковных иерархов, относящихся к XVII в., создан не в рамках единой системы церковной геральдики, а только с учётом личных пристрастий и вкусов армиев. В основе этих гербов, как правило, – родовые дворянские гербы. Создавались подобные геральдические изображения с учётом западноевропейской и польской традиций, однако именно этот опыт православного духовенства весьма ценен для использования в качестве базового при построении системы современной российской церковной геральдики.

При составлении герба цель патриарха состояла в утверждении церкви и её главы в глазах православного и инославного мира. Памятуя о Римейском политическом и святоотеческом наследии, следствием которого стало политическое образование третьего Рима на канонической территории Русской православной церкви, он попытался сформулировать и выразить графическими средствами достоинство и честь первоиерарха Русской православной церкви в системе общегосударственных, даже шире – межгосударственных отношений в период их активного развития. Для этого потребовался соответствующий официальный знаково-символический эквивалент выражения чести и достоинства, присущих лицу, которое представляет православную церковь. Именно в этом состояло упо-

ребление первоиерархом герба в качестве символа суверенитета церкви и её независимости от властей предрержащих и государственно-политических образований.

Отметим несколько исторических моментов, поясняющих особенности становления личной церковной геральдики на Руси: во-первых, не будучи дворянином, Святейший не имел права на личный герб, хотя традиционно высшие церковные иерархи на Руси имели личные печати; во-вторых, герб патриарха Никона идентичен в композиционном решении первым дворянским гербам, в основу которых положены деяния или военные подвиги их владельцев; в-третьих, идея недворянской личной эмблемы была слишком нова для России того времени и использовалась патриархом Никоном, прежде всего, в пропагандистских целях. Существование этой эмблемы выражало сохранённую меру внутренней независимости, самоуважения и самоидентификации церкви в XVII в. В-четвертых, личный герб предстателя является единственным в своём роде геральдическим памятником XVII в., и его создание явилось первым шагом на пути к формированию геральдической культуры и церковных символических традиций, ставших прообразом современных церковных геральдических концепций построения корпоративных и личных недворянских гербов церковнослужителей разных рангов.